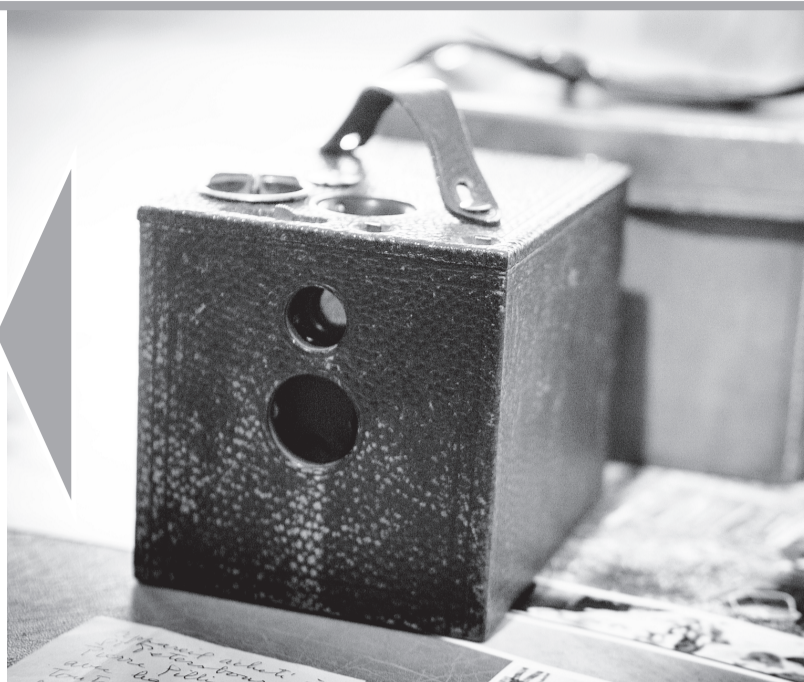

ФОТОКАМЕРА, КОТОРОЙ ПЬЕР ЖИЛЬЯР СНИМАЛ ЖИЗНЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ, ВЕРНУЛАСЬ В ЦАРСКОЕ СЕЛО

После реставрации фотокамера займет место в экспозиции Александровского дворца.

— Во дворце сохранилась комната, где жил Пьер Жильяр, — рассказала Ираида Ботт. — Сейчас у нас появились предметы, которые хранились в семье Пьера Жильяра.

В 2014-м Франсуаза Годе, племянница Жильяра, которая живет в Женеве, передала ГМЗ «Царское Село» чайный комплект и набор столовых предметов (всего 34 наименования), которые также принадлежали Пьеру Жильяру. Предметы подарила учителю великая княжна Анастасия Николаевна.

Ранее, в 2013-м, другая племянница Жильяра — Мари-Клод Жильяр-Кнехт — подарила музею вещи, принадлежавшие Александре Александровне Теглевой, — брошь и часы фирмы «Павел Буре». Александра Теглева — старшая комнатная девушка Романовых, которая с 1902 года была няней императорских детей. Она тоже последовала за императорской семьей в ссылку и тоже, как и Жильяр, не была допущена в Екатеринбург. Этим и спаслась.

Вместе с Жильяром Александра Теглева уехала в Европу, где в 1922 году вышла за него замуж.

«Какие прекрасные лица, и как это было давно...»

ГУБЕРНЕР ИМПЕРАТОРСКИХ ДЕТЕЙ

Александровский дворец в Царском Селе открыт последние дни. 1 сентября здесь начнется масштабная реставрация, которую сотрудники музея надеются завершить в 2018 году. Когда исполнится сто лет с момента расстрела Николая Второго и его семьи в подвале Ипатьевского дома.

Но журналистам представилась прекрасная возможность посетить любимую резиденцию последнего императора России накануне закрытия. Швейцарец Жак Мозер, внучатый племянник Пьера Жильяра, передал ГМЗ «Царское Село» в дар фотокамеру «Bulls Eye Eastman» фирмы «Kodak».

Пьер Жильяр — личность легендарная. Он был учителем французского языка у великих княжон — дочерей Николая Второго, а затем — наставником царевича Алексея. Именно этой камерой Жильяр снимал императорскую семью в Царском Селе, а затем в ссылке в Тобольске, куда последовал за императорской четой и их детьми добровольно.

Жильяр хотел поехать и в Екатеринбург, в Ипатьевский дом. Но большевики не позволили ему этого. Вот как он описал свое прощание с царской семьей:

«Матрос Нагорный прошел мимо моего окна, неся маленького больного на руках; за ним шли Великие Княжны, нагруженные чемоданами и мелкими вещами. Я захотел выйти, но часовой грубо оттолкнул меня в вагон. Я вернулся к окну. Татьяна Николаевна шла последней, неся свою собачку, и с большим трудом тащила тяжелый коричневый чемодан. Шел дождь, и я видел, как она при каждом шаге вязла в грязи. Нагорный хотел прийти ей на помощь — его с силой оттолкнул один из комиссаров».

Жильяр вернулся в Тобольск, откуда в 1920 году через Владивосток уехал в Европу. Ему суждена была долгая жизнь — Жильяр умер в 1962 году. И все эти годы он хранил фотокамеру как память о людях, которые стали ему родными, гибель которых горько оплакивал.

Ираида Ботт, заместитель директора ГМЗ «Царское Село» по научной работе, высоко оценила книгу Пьера Жильяра «Николай II и его семья», написанную им в Швейцарии и изданную в России после перестройки:

— Его воспоминания стали ценным источником информации для историков. Жильяр был очень наблюдателен, кроме того, он был умным и добрым человеком. Его характеристики стали тем камертоном, по которому мы сверяли другие воспоминания и исследования, посвященные царской семье. Жильяр сохранил и оставил для истории и другое свидетельство — материальное: фотокамеру, с помощью которой он снимал императорскую семью в Царском Селе, а затем в ссылке в Тобольске.

«ЭТА КАМЕРА ЛЕЖАЛА МНОГО ЛЕТ В НИЖНЕМ ЯЩИКЕ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА»

Жак Мозер приехал в Россию, чтобы лично вручить фотокамеру сотрудникам ГМЗ «Царское Село». Выступая на церемонии, он сказал, что совершенно потрясен количеством журналистов, которым все это интересно.

— Не успел я переступить порог Александровского дворца, как меня спросили, не жалко ли мне расставаться с такой ценной вещью. Но дело в том, что для меня это самый обыч-

Жак Мозер с легендарным «Кодаком». На экране — фотография Александры Теглевой, няни императорских детей, ставшей женой Пьера Жильяра.

ный предмет, знакомый с детства. Мне достаточно было выдвинуть нижний ящик письменного стола, чтобы увидеть футляр из бежевой кожи, в который была упакована камера. Она несколько раз переезжала со мной с места на место. А теперь вот совершила такое путешествие, чтобы вернуться в Петербург, в Царское Село.

Мой дядя дорожил камерой. Но он не мог ничего фотографировать ею. Она была связана для него с воспоминаниями о царской семье, об их участи, о горьких днях. Он подарил камеру моей матери, которая была его крестницей.

Анжелика Игнатенко, ассистент Жака Мозера, была инициатором возвращения фотокамеры в ГМЗ «Царское Село».

Вот что она рассказала «ВП»:

— С Жаком мы знакомы давно. Мы вместе играем в одном оркестре в Женеве: я — на виолончели, он — на скрипке.

Однажды Жак рассказал мне об этой фотокамере, о своем дяде. Потом, когда я была у него в гостях, он вынул ее из шкафа и продемонстрировал мне. Я подумала, что эта камера представляет историческую, мемориальную ценность. Ей место в музее, где ее смогут увидеть многие люди, которым интересна история России.

Жак согласился со мной. И вот — камера вернулась в родные стены.

Жак Мозер позировал с этой камерой перед объективами многочисленных фотокамер, и случайно выронил ее из рук. Но ничего страшного не случилось: сделанная сто лет назад фотокамера — вещь качественная. Удивительно, но она все еще в рабочем состоянии. Вот только найти для нее пленку — проблема.

Ираида Ботт подарила Жаку Мозеру альбомы, выпущенные к 300-летию Царского Села.

Он в свою очередь преподнес две бутылки швейцарского красного вина.

НЕ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО АРХИВА — ДЛЯ ИСТОРИИ

Съемку царской семьи Жильяр расценивал как миссию, вероятно, понимая, что работает не просто для семейного архива — для истории. Если не знать, что на фотографиях — венценосная чета, владевшая полумиром, можно подумать, что перед нами жизнь обычных дворян. Прогулки, занятия спортом, катание на лодке, купание слона в пруду. Милые девочки в белых платьях, красивый мальчик, Александра Федоровна в инвалидном кресле (у нее очень болели ноги). В этой семье царил трогательная любовь друг к другу, пребывание в домашнем кругу было им дороже пышных балов и придворных церемоний.

На фотографиях, сделанных в ссылке, в Тобольске, запечатлена вроде бы та же самая повседневная жизнь. Но изменилось что-то очень важное — атмосфера. Перед нами — трагедия, которая движется к развязке, но сами участники ее пока еще не осознают этого и предполагают жить. Мы видим последние дни опального, развенчанного императора, низведенного до положения «гражданина Романова», и его семьи. Видим, с каким мужеством они держатся, с каким смирением перед судьбой. Вспоминается стихотворение Георгия Иванова:

*«Эмалевый крестик в петлице
И серого френча сукно...
Какие прекрасные лица,
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, Императрица,
Четыре Великих Княжн».*